

Летние каникулы Цзи Мяня длились чуть больше десяти дней. Но с его возвращением тот, кто жил этажом ниже, напрочь лишился сна.

Дуань Чжо редко видел сны, но стоило юноше переступить порог дома, как двусмысленные наваждения — те самые, что не посещали его даже в пору бурной юности, — начали истязать его ночь за ночью. Запоздалое пробуждение плоти, мучительное и жадное, превратилось в тысячи невидимых муравьев. Каждую полночь они пускались в путь, пробираясь из самых потаенных уголков тела, чтобы медленно и методично грызть его позвоночник и сердце. Девять ночей подряд он вскакивал на рассвете и с ледяным лицом шел застирывать белье. Мужчина начал всерьез подозревать, что с его организмом что-то не так. Дожив до своих лет в одиночестве, он впервые столкнулся с подобным.

Дуань Чжо снова лег в постель. Несмотря на глубокую ночь, духота вызывала у него лишь раздражение. Он включил кондиционер на полную мощность, выставив самую низкую температуру, но это никак не помогало унять жар, буквально выжигавший грудную клетку изнутри.

Эти сны были в корне неправильными. Потому что человек, который в его видениях прерывисто дышал под ним, по полу и статусу был...

Тот усталился в темный потолок, и по его телу пробежала короткая дрожь. Он считал, что подобные фантазии должны вызывать у него отвращение или хотя бы дискомфорт. Однако, кроме бешеного сердцебиения, нестерпимого желания и грызущего чувства вины, он не ощущал никакой неприязни.

Списав всё на «избыток энергии», мужчина в последние дни набрал в мастерскую столько заказов, сколько мог, но проклятые сны всё равно навещали его строго по расписанию.

Спустя несколько минут, почувствовав, что тело снова начинает предательски отзываться на мысли, он поднялся с кровати. Быстро переодевшись, Дуань Чжо решил больше не пытаться уснуть. Умывшись, он вышел из дома на утреннюю пробежку — словно надеялся таким способом вытравить из головы все свои постыдные помыслы.

Лето на юге даже на рассвете было влажным и душным. Стоило пройти пару шагов, как дыхание становилось тяжелым. Мужчина бежал больше часа, не сбавляя темпа, и вернулся весь в мыле. На нем не осталось ни единого сухого лоскута ткани. Утренняя пробежка действительно оказалась эффективным способом растратить силы: тело изнывало от усталости, а разум наконец-то очистился от ночных видений.

На мгновение он даже почувствовал подобие облегчения. Дуань Чжо толкнул входную дверь на первом этаже и, едва переступив порог, столкнулся нос к носу с Цзи Мянем, который как раз спускался сверху.

— Брат? — юноша в замешательстве уставился на насквозь промокшего мужчину.

В этот миг чистый голос Цзи Мян в сознании Дуань Чжо вдруг слился с тем самым, чуть надтреснутым шепотом из сна.

Тот замер. Те самые видения, которые он с таким трудом пытался скрыть, вновь начали всплывать на поверхность.

— Ты ходил бегать?

Цзи Мян спустился на две ступеньки ниже. Дуань Чжо, напротив, сделал шаг назад, выходя из дверного проема на улицу. Он не хотел подпускать юношу слишком близко — от него разлило потом, и сейчас он чувствовал себя не в лучшем виде.

— Угу. А ты куда? — спросил он.

Собственный голос показался мужчине непривычно хриплым. Он пристально вглядывался в лицо Цзи Мян, пытаясь найти в этих знакомых чертах хоть что-то из своего сна. Рука, державшая дверь, невольно сжалась так, что побелели костяшки пальцев. Никто не заметил, что его тело едва заметно била дрожь. Юноша этого не видел, а сам Дуань Чжо даже не осознавал.

— Пойду куплю завтрак. Заодно хотел проверить, дома ли сестра Юймань, — Цзи Мян неловко почесал затылок и застенчиво улыбнулся. — Брат, ты не знаешь, куда она пропала? Я уже столько времени дома, а еще ни разу её не видел.

Стоило ему упомянуть Му Юймань, как его голос стал радостным и легким.

Дуань Чжо словно окатили ледяной водой.

— Брат?

— Не знаю, — холодно отрезал он.

Разгоряченный разум мгновенно остыл, а внутренний жар, истязавший его столько ночей, улетучился от одной-единственной фразы юноши. Для Дуань Чжо это должно было стать добрым знаком.

— А, жаль... — разочарованно протянул Цзи Мян. — Брат, что тебе купить? Я как раз иду.

— ...Не нужно.

— О...

Видя, что Дуань Чжо всё еще держит дверь, Цзи Мяннь поспешил мимо него на улицу. Стоило ему переступить порог, как за его спиной с громким стуком захлопнулась стальная дверь. Юноша обернулся, но металлическая преграда уже скрыла всё от его взора. Он так и не увидел спину брата.

Две недели каникул пролетели незаметно. Цзи Мяннь вернулся в школу, где его ждал выпускной класс. По уровню прилежания он если и не был первым, то уж точно входил в тройку лидеров. Благодаря тому, что его способности к обучению превосходили сверстников, ему удалось совершить невозможное: за один год подняться из самого хвоста рейтинга до твердой середины.

В этот последний учебный год он трудился еще усерднее, чем прежде. Однако юноша не мог не заметить, что Дуань Чжо больше не относится к нему так тепло, как раньше. Каждый раз, когда Цзи Мяннь возвращался домой, реакция того была пугающе холодной. Даже когда он привез ведомость, где значился в первой сотне рейтинга всей школы, мужчина лишь мельком взглянул на неё, бросил пару дежурных фраз и на этом закончил разговор.

Цзи Мяннь чувствовал себя глубоко уязвленным. По какой-то причине ему больше всего на свете хотелось получить именно его одобрение.

Ощущая это растущее отчуждение, он почти две недели ходил по школе сам не свой. В прошлые выходные юноша не стал звонить и говорить, что приедет. Это был его первый уикенд, проведенный в стенах школы, но Дуань Чжо так и не набрал его номер, чтобы спросить, почему его нет.

Цзи Мяннь больше не мог закрывать глаза на это безразличие. В его душу закралось пугающее сомнение: возможно, его брат на самом деле совсем не ждет его дома. Но юноша не понимал причины и не смел делать поспешных выводов, поэтому лишь мучился в догадках. То он боялся, что сделал что-то не так и рассердил Дуань Чжо, то переживал, не случилось ли чего в семье, а потом уговаривал себя, что тот просто слишком занят в последнее время.

Промучившись так несколько дней, он дождался следующих выходных. От Дуань Чжо по-прежнему не было ни весточки.

В субботу вечером, немного позанимавшись, Цзи Мяннь достал из тумбочки старую кнопочную «Нокиа». Этот телефон подарил ему брат. Изначально тот хотел купить смартфон, но юноша отказался, заявив, что у него слабая самодисциплина и это будет мешать учебе. Дуань Чжо, подумав, согласился и отдал ему старый семейный аппарат.

Цзи Мяннь отчетливо помнил, как тот вручал ему этот телефон со словами: «Если что-то

случится — звони, не держи в себе».

Сейчас горечь в его сердце копилась уже две недели. После долгих колебаний юноша всё же набрал номер Дуань Чжо. Когда гудки уже почти смолкли, на том конце наконец подняли трубку.

— Алло... — Цзи Мяннь прислушался к шорохам в динамике и тихо позвал: — Брат?

Спустя несколько секунд в трубке раздался голос Дуань Чжо — всего пара слов:

— Что-то случилось?

Эти слова были подобны ушату ледяной воды, вылитому на голову Цзи Мяння. Он буквально лишился дара речи; всё, что он хотел сказать, мгновенно вылетело из головы от охватившего его оцепенения.

— ...Ничего особенного, — с огромным трудом выдавил он. — Брат, ты... занят?

— Занят.

— ...

Цзи Мяннь не был навязчивым человеком. Пальцы, сжимавшие телефон, побелели, но вслух он лишь спокойно произнес «хорошо» и нажал на кнопку отбоя.

[И ты даже не закатаешь скандал?] — Система, наблюдавшая за этим, была крайне недовольна.

Цзи Мяннь опустил взгляд.

«Зачем?»

[Ничтожество!] — бросила Система и, напоследок отчитав его, скрылась в глубинах его сознания.

Цзи Мяннь убрал телефон обратно в тумбочку и, склонив голову, снова уткнулся в учебник английского. Первый абзац он перечитывал раз десять, но смысл слов никак не желал укладываться в голове. Прошло полчаса, а он так и не смог перевести даже общую суть.

Соседи по комнате один за другим гасили свет и забирались в кровати. Цзи Мяннь еще немного посидел за столом, но, поняв, что сегодня учеба не идет, тоже выключил лампу и поднялся к себе.

В комнате мгновенно стало темно, лишь на двух кроватях напротив то вспыхивали, то гасли экраны смартфонов. Но вскоре и они окончательно погасли.

Юноша натянул одеяло до самого носа, а через мгновение и вовсе с головой скрылся под ним, свернувшись калачиком и не издавая ни звука. Лишь глубокой ночью, когда все остальные крепко спали, из-под его одеяла слышались едва различимые, полные боли и тихие рыдания, которые он изо всех сил старался сдержать.

<http://bllate.org/book/15358/1419980>